

UMBERTO
ECO

JEAN-CLAUDE
CARRIÈRE

УМБЕРТО
ЭКО

ЖАН-КЛОД
КАРЬЕР

НЕ НАДЕЙТЕСЬ
ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ КНИГ!

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 009
ББК 71
Э 40

Umberto Eco, Jean-Claude Carrière
N'ESPÉREZ PAS VOUS DÉBARRASSER DES LIVRES
© Éditions Grasset & Fasquelle, 2009
Entretiens menés par Jean-Philippe de Tonnac
Перевод с французского Ольги Акимовой
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-27691-8

© О. Г. Акимова, перевод, примечания, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Вот это убьет то. Книга убьет здание». Гюго вкладывает свое знаменитое изречение в уста Клода Фролло, архидьякона собора Парижской Богоматери. Наверное, архитектура не умрет, но перестанет быть знаменем культуры, всегда находящейся в процессе изменения. «Когда сравниваешь архитектуру с мыслью, принимающей форму книги — для чего достаточно иметь небольшое количество бумаги, чернила и перо, — то можно ли удивляться тому, что человеческий разум предпочел книгопечатание зодчеству?» Наши «каменные Библии» не исчезли, но совокупная продукция всех рукописных, а затем и печатных текстов, этот «муравейник умов», этот «улей, куда золотистые пчелы воображения приносят свой мед»¹, внезапно в конце Средневековья весьма понизил их в звании. Точно так же, если электронная книга в конце концов получит признание в ущерб печатной книге, вряд ли первой удастся изгнать вторую из наших домов и наших привычек. Так что *e-book* не убьет книгу. Как и Гутенберг с его гениальным изобретением не сразу отменил рукописные книги, а те в свое время — торговлю папирусными свитками, или *volumina*. Практика

¹ Цитаты из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (перевод Н. Коган).

и привычки сосуществуют, и для нас нет ничего приятнее, чем расширять гамму возможностей. Разве кино убило живопись? Или телевидение — кино? Так что добро пожаловать, графические планшеты и периферийные устройства чтения, обеспечивающие нам доступ с одного экрана к теперь уже оцифрованной всемирной библиотеке.

Вопрос скорее в том, как чтение с экрана изменит то, к чему мы пришли, листая книжные страницы? Что мы выиграем от этих новых маленьких книжек, а главное, что потеряем? Возможно, отжившие привычки. Некую сакральность, окружавшую книгу в нашей цивилизации, положившей ее на алтарь. Особые интимные узы между автором и его читателем, которые неизбежно разрушит понятие гипертекстуальности. Идею «закрытости», которую символизировала книга, а значит, по всей видимости, и некоторые читательские привычки. «Разрывая старые связи между мыслью и ее материальным воплощением, — заявлял Роже Шартье в своей вступительной лекции в Коллеж де Франс, — цифровая революция обязывает нас к радикальному пересмотру всех действий и представлений, которые мы ассоциируем с письменным словом». Вероятно, однажды это стало глубоким потрясением, но мы уже начали от него оправляться.

Цель обмена мнениями между Жан-Клодом Карьером и Умберто Эко состояла не в том, чтобы установить природу трансформаций и потрясений, которые сулит нам распространение в больших (или малых) масштабах электронных книг. Их опыт библиофилов, коллекционеров старинных и редких книг, исследователей и охотников за инкунабулами скорее подводит нас к мысли, что книга, как и колесо, является неким пределом со-

вершенства в сфере воображаемого. Когда цивилизация изобретает колесо, она обречена воспроизводить его *ad nauseam*¹. Независимо от того, что мы будем считать изобретением книги: появление первых кодексов (приблизительно II век до н. э.) или более древних папирусных свитков, — перед нами инструмент, который, несмотря на все пережитые им трансформации, оказался в высшей степени верен самому себе. Книга представляется нам как некое «колесо знания и воображения»: его не смогут остановить никакие грядущие технологические революции. Как только мы приходим к этому утешительному выводу, можно приступать к настоящему обсуждению.

Книга находится на пороге собственной технологической революции. Но что есть книга? Что представляют собой книги, стоящие на полках в наших домах и в библиотеках всего мира и заключающие в себе все знания и фантазии, которые человечество накапливает с тех пор, как научилось писать? Какое представление они дают нам об этой одиссее разума? Каким зеркалом они для нас являются? Если рассматривать лишь сливки этой продукции, шедевры, насчет которых установился культурный консенсус, то преданно ли мы выполняем нашу обязанность оберегать то, что постоянно находится под угрозой окончательного забвения? Или же нам придется согласиться с менее лестным образом самих себя — ввиду невероятной убогости, которая *также* характеризует это изобилие письменной продукции? Непременен ли книга является символом прогресса, призванным заставить нас забыть о тех дебрях невежества, которые, как нам кажется, мы навсегда оставили позади? О чем именно говорят нам книги?

¹ До тошноты (*лат.*).

К беспокойству по поводу природы свидетельств, которые хранятся в наших библиотеках и благодаря которым мы можем честнее познавать самих себя, добавляются вопросы о том, что же именно дошло до нас. Являются ли книги верным отражением того, что с той или иной степенью вдохновения было создано человеческим гением? Этот вопрос, едва возникнув, сразу же вносит смуту. Как тут не вспомнить о кострах, где по-прежнему сгорает столько книг? Как будто книги и свобода слова, символом которой они сразу же стали, породили такое же количество цензоров, взявших на себя контроль за их использованием и распространением, а иногда и конфискующих их навсегда. И даже если речь не идет об организованном уничтожении, огонь, просто из страсти все сжигать и превращать в пепел, обрекал на молчание целые библиотеки. И эти костры, словно подпитывая друг друга, наталкивают нас на мысль, что такое изобилие книг вполне оправдывало подобное регулирование. Поэтому история книжного производства неотделима от истории постоянно возобновляемого книжного холокоста. Таким образом, цензура, невежество, глупость, инквизиция, костры, небрежение, рассеянность, пожары стали подводными рифами, порой губительными, на пути книги. И никакие усилия по архивации и сохранению никогда не воспрепятствуют тому, чтобы какие-то «Божественные комедии» навсегда остались в безвестности.

Из этих мыслей о книге и о книгах, все же дошедших до нас, несмотря на все разрушительные процессы, вытекают две идеи, вокруг которых и вертелись беседы в доме Жан-Клода Карьера в Париже и в Монте-Чериньоне, в доме Умберто Эко. То, что мы называем культурой, на самом деле является длительным процессом отбора

и отсева. Целые собрания книг, живописи, фильмов, комиксов, произведений искусства были задержаны рукою цензора, исчезли в огне или оказались утрачены вследствие простой небрежности. Была ли это лучшая часть огромного наследия прошлых веков? Или худшая? Что нам досталось в той или иной области творчества: семена или плевелы? Мы до сих пор читаем Еврипида, Софокла, Эсхила, полагая их тремя величайшими трагическими поэтами Древней Греции. Но когда Аристотель в своей «Поэтике», посвященной трагедии, называет самых прославленных ее представителей, он не упоминает ни одного из трех этих имен. Было ли то, что нами утрачено, лучшей, более представительной частью греческого театра, чем то, что сохранилось? Кто теперь сможет развеять наши сомнения?

Утешит ли нас мысль о том, что среди папирусов, сгоревших в пожаре Александрийской библиотеки и всех библиотек, обратившихся в дым, возможно, был откровенный хлам, шедевры дурновкусия и глупости? С точки зрения сокровищ бездарности, хранящихся в наших библиотеках, можем ли мы не придавать большого значения этим чудовищным потерям прошлого, этому вольному или невольному уничтожению нашей памяти и довольствоваться тем, что мы сохранили и что наше общество, вооруженное всеми технологиями на свете, еще пытается поместить в надежное, хотя и недолговечное место? Как бы упорно мы ни пытались заставить прошлое заговорить, в библиотеках, музеях и синематеках мы найдем только те произведения, которые не уничтожило или не смогло уничтожить время. Сегодня мы, как никогда, понимаем, что культура — это как раз то, что остается, когда все остальное забыто.

Но наиболее восхитительной из этих бесед, возможно, стала та, что воздала должное глупости, молчаливо наблюдающей за колоссальным гигантским и упорным трудом человечества и никогда не извиняющейся за свою категоричность. Именно здесь встреча семиолога и сценариста, двух собирателей и любителей книг, обрела высший смысл. Первый собрал коллекцию редчайших сочинений, посвященных человеческой лжи и заблуждениям, поскольку именно они, по его мнению, являются ключом к любым попыткам создать теорию истины. «Человек — существо исключительно необычное, — пишет Умберто Эко. — Он научился добывать огонь, построил города, написал великолепные стихи, дал миру различные толкования, создал мифологические образы и так далее. Но в то же время он непрерывно воевал с себе подобными, совершал ошибки, уничтожал природу и так далее. Похоже, баланс между духовной добродетелью и изменной глупостью остается нулевым. Так что, говоря о глупости, мы в некотором смысле отдаем должное этому полугению-полуидиоту». Если книги призваны быть точным отражением чаяний и склонностей человечества, ищущего, где ухватить получше да побольше, значит они неизбежно передают и его непомерную гордыню, и его низость. Поэтому-то мы не стремимся избавиться ни от этих ложных, ошибочных сочинений, ни от наших непогрешимых нелепых взглядов. Они будут верной тенью следовать за нами до конца наших дней и будут честно говорить о том, кем мы были, и еще больше о том, кем мы являемся сейчас: страстными и упорными искателями, хоть и лишенными при этом всякой щепетильности. Человеку свойственно ошибаться лишь постольку, поскольку это свойство принадлежит единственно тем, кто ищет

и ошибается. Сколько путей, ведущих в никуда, придется на каждое решенное уравнение, на каждую подтвержденную гипотезу, на каждый проведенный эксперимент, на каждую точку зрения, разделенную другими людьми? Поэтому книги озаряют мечту человечества, избавившегося наконец от своей утомительной низости, и одновременно — марают эту мечту и очерняют.

Известный сценарист, драматург и эссеист Жан-Клод Карьер испытывает немалую симпатию к этому непризнанному и, по его мнению, малоизвестному монументу, каковым является глупость. Ей посвящен его многократно переизданный труд¹. «Когда в 60-е годы мы с Ги Бештелем издали „Словарь глупости“, который потом выдержал множество переизданий, мы спросили себя: „Зачем привязываться только к истории разума, шедевров, великих памятников мысли?“ Глупость, столь дорогая сердцу Флобера, кажется нам не только гораздо более распространенным явлением — это само собой, — но и более плодovitым, более разоблачающим и, в известном смысле, более честным». И нужно сказать, что благодаря этому вниманию к глупости Карьеру было приятно желание Эко составить подборку из наиболее ярких свидетельств этой пылкой и слепой страсти к сбиванию нас с пути истинного. Наверное, между заблуждением и глупостью можно было бы выявить некую родственную связь и даже тайное соучастие, которое ничто за многие века, кажется, не смогло разрушить. Но для нас более удивительно вот что: между вопросами, которые ставили перед собой автор «Словаря глупости» и автор «Борь-

¹ «Словарь глупости и ошибочных суждений» — книга Ж.-К. Карьера, написанная в соавторстве с Г. Бештелем в 1965 г.

бы за ложь»¹, существует чувственное и «избирательное сродство»², в полной мере раскрывшееся в этих беседах.

Веселые наблюдатели и хроникеры всех перипетий на этом пути, убежденные в том, что разобраться в этой человеческой аванюре мы можем не только благодаря блестящим победам, но и благодаря падениям, Жан-Клод Карьер и Умберто Эко предаются искрометной импровизации на тему человеческой памяти. И начинают они с провалов, лакун, непоправимых утрат, забвения, являющихся такой же частью памяти человечества, как и признанные шедевры. Забавляясь, они показывают, как книга, несмотря на ущерб, причиненный ей жерновами времени, в конце концов прошла сквозь все расставленные сети — к лучшему или к худшему. Перед лицом вызова, брошенного повсеместной оцифровкой текстов и введением новых инструментов электронного чтения, это станет напоминанием о взлетах и падениях книги и позволит смягчить негативные последствия грядущих трансформаций. Подобно почтительной улыбке в сторону галактики Гутенберга, эти беседы очаруют всех — и особенно тех, кто влюблен в книгу. Не исключено, что они вызовут приступ ностальгии и у владельцев *e-books*.

Жан-Филипп де Тоннак

¹ Под таким заглавием во Франции был опубликован сборник эссе У. Эко, написанных в 1970–1980-е гг.

² Аллюзия на роман И. В. Гёте «Избирательное сродство» (1809).

УВЕРТЮРА КНИГА НЕ УМРЕТ

Жан-Клод Карьер: На последнем саммите в Давосе в 2008 году, отвечая на вопрос, что изменит жизнь человечества в ближайшие пятнадцать лет, один футуролог предложил запомнить четыре основных момента, которые представлялись ему несомненными. Первый — что баррель нефти будет стоить 500 долларов. Второе предсказание касается воды: ей суждено стать, подобно нефти, предметом торгового обмена. Курс воды мы будем узнавать на товарной бирже. Третье предсказание относится к Африке: в ближайшие десятилетия она непременно должна сделаться мощной экономической силой — чего мы все ей и желаем.

Четвертым же событием, по мнению профессионального пророка, станет исчезновение книги.

Итак, вопрос заключается в том, будет ли окончательное исчезновение книги — если таковое действительно произойдет — иметь для человечества такие же последствия, как, например, неизбежно возрастающий дефицит запасов воды или заоблачные цены на нефть.

Умберто Эко: Исчезнет ли книга с появлением Интернета? Я уже писал об этом, когда этот вопрос казался животрепещущим. С тех пор каждый раз, когда меня про-

сят высказаться по этому поводу, я не могу сделать ничего лучшего, кроме как пересказать тот текст. Никто этого не замечает — прежде всего, потому, что нет ничего менее известного, чем уже опубликованное. А еще потому, что общественное мнение (или, по крайней мере, журналисты) по-прежнему твердо уверено, что книга вот-вот исчезнет (ну или журналисты думают, что читатели в этом твердо уверены), и каждый постоянно задает один и тот же вопрос.

На самом деле мало что можно сказать по этому поводу. С Интернетом мы вновь вернулись в эпоху алфавита. Если раньше мы считали, что цивилизация вступила в эпоху образов, то компьютер вернул нас в галактику Гутенберга и теперь всем поголовно приходится читать. Для чтения необходим некий носитель информации. Этим носителем не может быть только компьютер. Попробуйте пару часов почитать роман с экрана компьютера, и у вас глаза станут как два теннисных мяча. У меня дома есть очки «поляроид», они позволяют мне не портить глаза, когда я читаю с экрана. Впрочем, компьютер зависит от электричества: с ним нельзя читать в ванной или лежа на боку в постели. Так что книга представляется более гибким инструментом.

Одно из двух: либо книга останется носителем информации, предназначенным для чтения, либо возникнет что-то другое, похожее на то, чем всегда была книга, даже до изобретения печатного станка. Всевозможные разновидности книги как объекта не изменили ни ее назначения, ни ее синтаксиса за более чем пять веков. Книга — как ложка, молоток, колесо или ножницы. После того как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь. Вы не сделаете ложку лучше, чем она есть.

Некоторые дизайнеры пытаются усовершенствовать, например, штопор, и с весьма переменным успехом, — большинство из этих новшеств и вовсе не работают. Филипп Старк попытался придумать новую соковыжималку для лимона, но его прибор (при несомненных эстетических достоинствах) пропускает зернышки. Книга уже зарекомендовала себя, и непонятно, что может быть лучше ее для выполнения тех же функций. Возможно, будут как-то развиваться ее составляющие: скажем, страницы будут делаться не из бумаги. Но книга останется книгой.

Ж.-К. К.: Последние модели электронных книг вроде бы позиционируются теперь как прямые конкуренты книги печатной. «Reader»¹ уже вмещает 160 наименований.

У. Э.: Очевидно, что какому-нибудь судье проще будет взять на дом 25 000 документов рассматриваемого дела, если они хранятся в электронном виде. Во многих областях электронная книга станет чрезвычайно удобным инструментом. Просто меня мучает вопрос: так ли уж удобно будет, даже при наличии идеально подходящих для этого технологий, читать «Войну и мир» с электронного носителя? Время покажет. В любом случае мы больше не сможем читать бумажного Толстого и прочих по той простой причине, что они уже сейчас, стоя на наших книжных полках, начали портиться. Большинство изданий «Галлимара» и «Врена» 50-х годов уже исчезли. Книгу «Философия в Средние века» Жильсона, которая так пригодилась мне, когда я писал диссертацию, теперь не-

¹ Здесь: электронные книги, выпускаемые фирмой Sony.

возможно взять в руки. Страницы буквально рассыпаются. Конечно, я мог бы купить новую книжку, но мне дорога та, старая, со всеми пометками, которые я делал цветными карандашами и которые являются историей моих размышлений.

Жан-Филипп де Тоннак: Но отчего бы не вообразить себе такую ситуацию, когда по мере разработки новых носителей информации, все лучше приспособленных к потребностям читателя и годящихся для чтения в любых условиях — будь то энциклопедии или романы в Сети, — интерес к книге в ее традиционной форме станет, несмотря ни на что, мало-помалу угасать?

У. Э.: Все может быть. Возможно, завтра книгами будет интересоваться лишь кучка восторженных поклонников, которые отправятся удовлетворять свое пассажирское любопытство в музеи и библиотеки.

Ж.-К. К.: Если таковые еще останутся.

У. Э.: Но почему бы тогда не вообразить, что в будущем исчезнет, в свою очередь, и такое прекрасное изобретение, как Интернет? Так же, как исчезли с наших небосклонов дирижабли. Когда в Нью-Йорке перед самой войной сгорел «Гинденбург», он похоронил вместе с собой будущее дирижаблей. То же самое произошло с «Конкордом»: крушение в Гонессе в 2000 году стало для него фатальным. История все-таки вещь необычайная. Был изобретен самолет, который пересекает Атлантику не за восемь часов, а всего за три. Кто может что-то сказать против подобного прогресса? Но после крушения в Го-

несе от него отказываются, посчитав, что «Конкорд» обходится слишком дорого. Ну разве это серьезная причина? Атомная бомба тоже ведь обходится недешево!

Ж.-Ф. де Т.: Я процитирую вам замечание Германа Гессе по поводу возможного возвращения книге ее «законной силы»: по его мнению, это должно произойти благодаря техническому прогрессу. В 50-х годах он писал: «Чем больше новые изобретения будут с течением времени удовлетворять потребности массового развлечения и образования, тем большее значение и авторитет будет стяжать книга. Мы еще не достигли той точки, когда новые конкурирующие изобретения, такие как радио, кино и так далее, стали бы способны лишить печатную книгу тех ее функций, которые она могла бы утратить как раз без ущерба для нее»¹.

Ж.-К. К.: В этом смысле он не ошибся. Кино и радио, даже телевидение ничего не отняли у книги, ничего такого, что она могла бы утратить «без ущерба».

У. Э.: В какой-то момент люди изобрели письменность. Можно считать, что письмо — продолжение нашей руки, и в этом смысле оно почти физиологично. Письмо — это технология коммуникации, непосредственно связанная с нашим телом. Раз уж его изобрели, отказаться от него невозможно. Повторюсь: это как изобретение колеса. Колесо, которым мы пользуемся сегодня, ничем не отличается от древнего. Тогда как наши современные изобретения — кино, радио, Интернет — вовсе не физиологичны.

¹ Неточная цитата из статьи Г. Гессе «Магия книги» (1950).

Ж.-К. К.: Вы совершенно справедливо подчеркиваете: у нас никогда еще не было такой потребности читать и писать, как сегодня. Невозможно пользоваться компьютером, если не умеешь писать и читать. Причем делать это сложнее, чем раньше, ибо мы ввели новые знаки, новые коды. Наш алфавит расширился. Научиться читать становится все труднее. Мы могли бы вернуться к устной традиции, если бы наши компьютеры напрямую считывали нашу речь. Но тут возникает другой вопрос: может ли человек хорошо выражать свои мысли, если он не умеет ни читать, ни писать?

У. Э.: Гомер, несомненно, ответил бы «да».

Ж.-К. К.: Но Гомер принадлежит устной традиции. Все свои знания он приобрел в рамках этой традиции — в ту эпоху, когда в Греции еще не было написано ни строчки. Можно ли в наше время представить себе писателя, диктующего свой роман без письменной фиксации и совершенно незнакомого с предшествующей литературой? Возможно, его произведение будет обладать очарованием наивности, нового открытия, чего-то небывалого. И все же мне кажется, ему будет недоставать того, что мы, за неимением лучшего слова, называем культурой. Рембо был удивительно одаренным молодым человеком, автором неподражаемых стихов. Но он не был, что называется, самоучкой. В шестнадцать лет он уже обладал добротной классической культурой и писал стихи на латыни.

НЕТ НИЧЕГО НЕДОЛГОВЕЧНЕЕ, ЧЕМ ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ

Ж.-Ф. де Т.: Мы задаемся вопросом о долговечности книг в эпоху, когда культура, похоже, делает выбор в пользу других инструментов, быть может более конкурентоспособных. Но что можно сказать об этих носителях, призванных долговременно хранить информацию и наши воспоминания? Я говорю о дискетах, кассетах, CD-ROM, к которым мы уже повернулись спиной.

Ж.-К. К.: В 1985 году министр культуры Жак Ланг попросил меня создать и возглавить новую школу кино и телевидения *FEMIS*. С этой целью я собрал нескольких высококлассных специалистов под руководством Джека Гайюша и сам на протяжении десяти лет, с 1985 по 1995 год, возглавлял эту школу. В течение этих десяти лет мне, естественно, приходилось следить за всеми новинками в нашей области.

Одной из реальных проблем, с которыми нам пришлось столкнуться, была элементарная необходимость показывать студентам фильмы. Когда мы смотрим фильм с целью изучить его и проанализировать, нужно, чтобы имелась возможность прервать показ, вернуться назад, остановиться, иногда прокрутить кадр за кадром. С копией на пленке этого сделать нельзя. В те времена у нас бы-

Эко У., Карьер Ж.-К.

Э 40 Не надейтесь избавиться от книг! / Умберто Эко, Жан-Клод Карьер ; пер. с фр. О. Акимовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-389-27691-8

Умберто Эко — итальянский писатель и философ, автор романов «Имя розы», «Маятник Фуко» и др.

Жан-Клод Карьер — французский сценарист (автор сценариев к фильмам «Дневная красавица», «Скромное обаяние буржуазии», «Жестяной барабан» и др.), писатель, актер.

Помимо дружбы, их объединяет страстная любовь к книге. «Книга — как ложка, молоток, колесо или ножницы, — говорит Умберто Эко. — После того как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь».

«Не надейтесь избавиться от книг!» — это запись беседы двух эрудитов о судьбе книги в цифровую эпоху, а также о многих других, не менее занимательных предметах:

- Правда ли, что первые флешки появились в XVIII веке?
- Почему одни произведения искусства доживают до наших дней, а другие бесследно исчезают в лабиринтах прошлого?
- Сколько стоит самая дорогая книга в мире?
- Какая польза бывает от глупости?
- Правда ли, что у библиотек существует свой особенный ад, и как в него попасть?

«Не надейтесь избавиться от книг!» — это прекрасный подарок для людей, влюбленных в книги. Ведь эта любовь, как известно, всегда взаимна...

УДК 009
ББК 71

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

УМБЕРТО ЭКО
ЖАН-КЛОД КАРЬЕР
НЕ НАДЕЙТЕСЬ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ КНИГ!

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 09.01.2025.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 18,6. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFF-36700-01-R